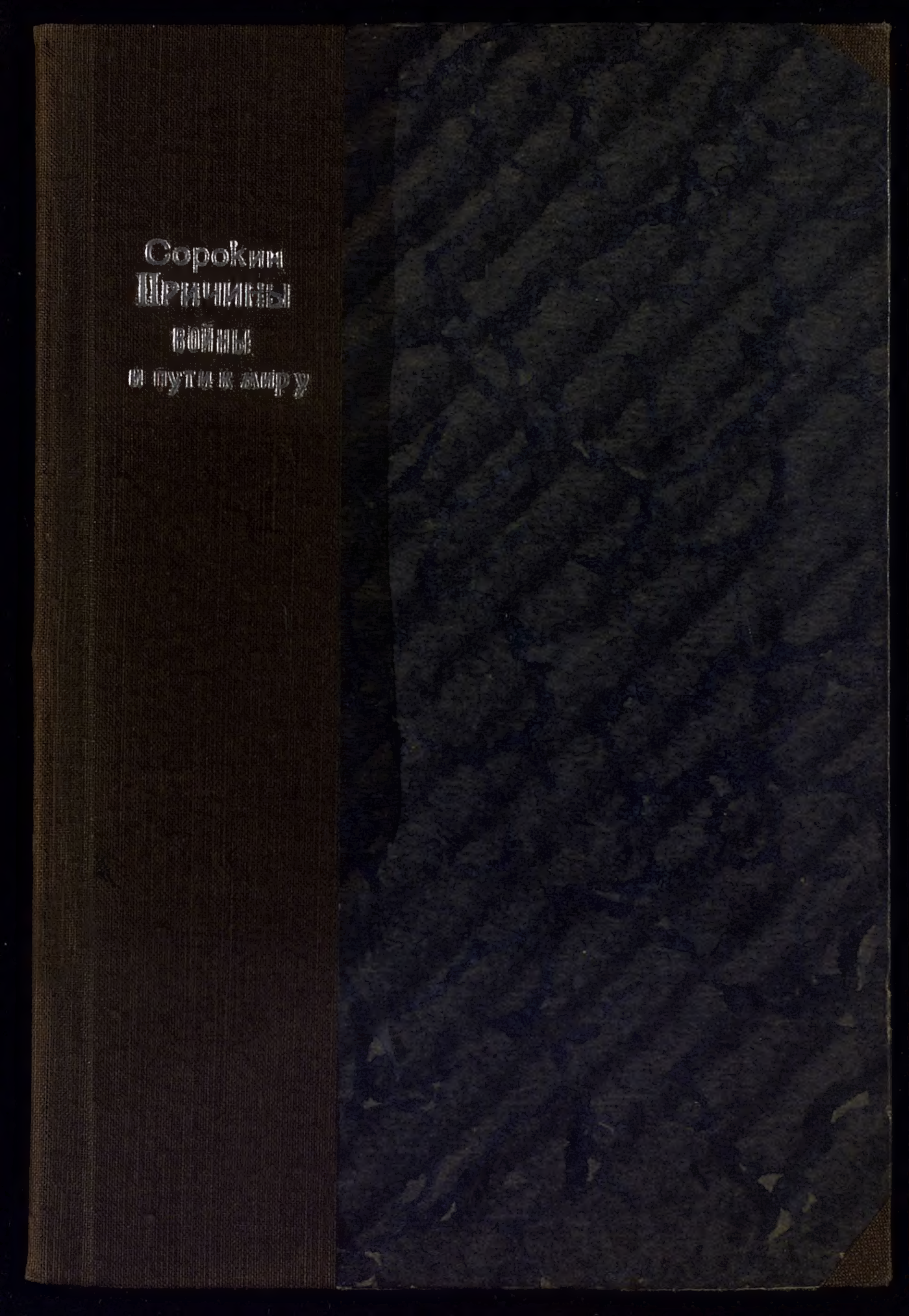
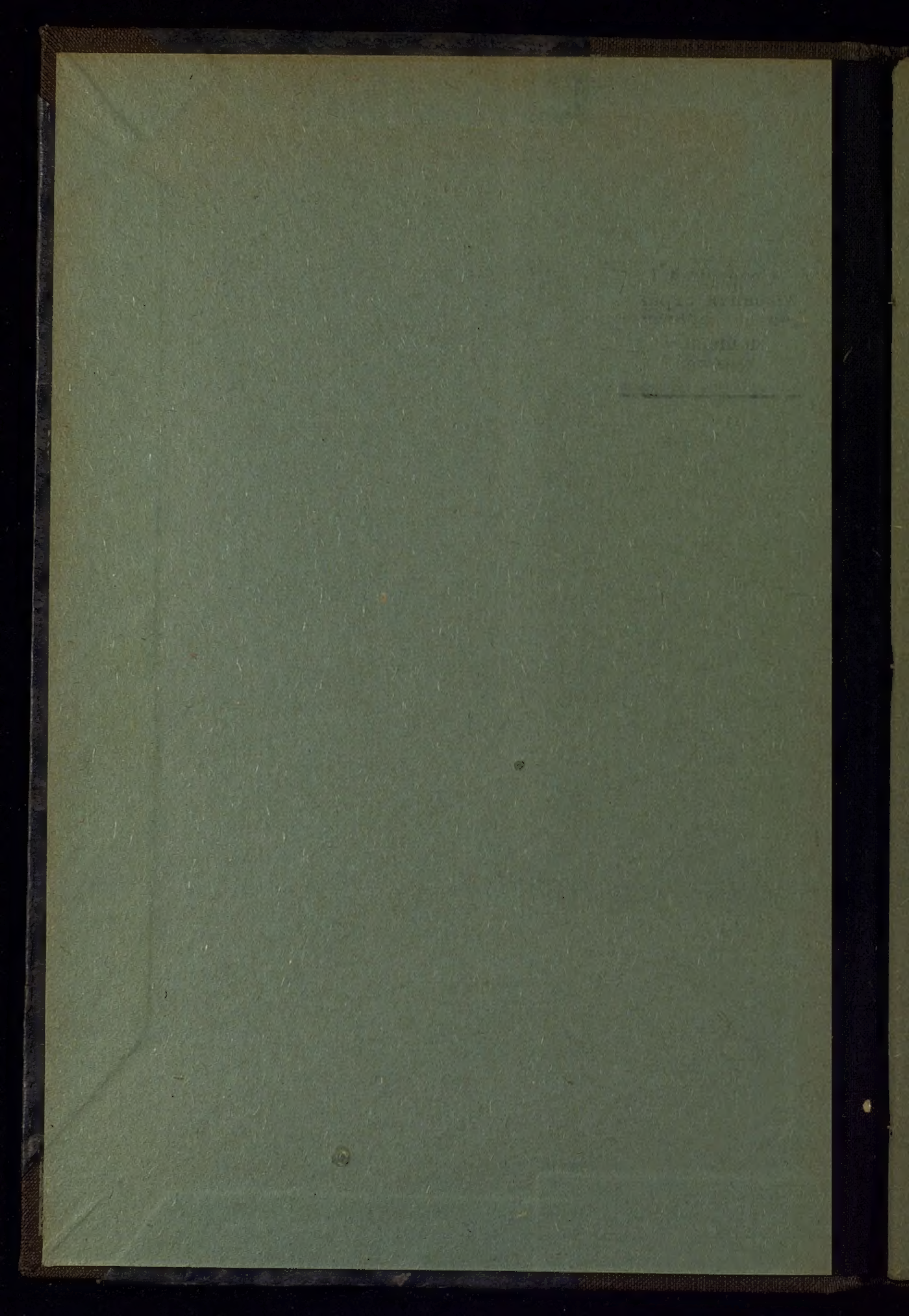

Сорокин
Причины
войны
и пути к миру

Приватъ-доцентъ
ПИТИРИМЪ СОРОКИНЪ.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ И ПУТИ КЪ МИРУ.

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе Н. Н. КАРБАСНИКОВА.
1917.

„БИБЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА“,

подъ ред. С. В. Вознесенскаго.

Изд. Н. Н. КАРБАСНИКОВА.

Петроградъ, Гостиный дв. (внутри), № 67; тел. 2-26-60.

Отдѣлъ политическій:

1) **Тхоржевскій, С. И.** Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Ц. 30 к.
2) **Лаврентьевъ, Д. К.** Что такое монархія и что такое республика и какія права должны быть у гражданъ. Ц. 25 к.
3) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Политич. свобода и соціализмъ. Ц. 45 к.
4) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое автономія. Ц. 25 к.
5) **Вульфіусъ, А. Г.**-проф. Свобода совѣсти. Ц. 40 к.
6) **Яновскій, А. Ѳ.** Глава республики — президентъ.
7) **Осинскій, М.** О гражданскихъ свободахъ. Ц. 35 к.
8) **Тхоржевскій, С. И.** Государственный строй Англіи. Ц. 50 к.
9) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Свобода и дисциплина. Ц. 40 к.
10) **Ярошевскій, А. Г.,** Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.
11) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое федерализмъ.
12) **Гизетти, А. А.** Соціализмъ и индивидуализмъ.
13) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Тайна государства.
14) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Классовая борьба.
15) **Дмитріевичъ, Д. И.,** секретарь сербской миссіи. Право націи на самоопредѣленіе.
16) **Осинскій, М. А.** Церковь и государство.
17) **Клейнбортъ, Л. Н.** О партіяхъ и партійности. Ц. 35 к.
18) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Демократія и демагогія.

Отдѣлъ соціально-экономическій:

1) **Вознесенскій, С. В.** Профессіон. союзы рабочихъ. Ц. 40 к.
2) **Гудванъ, М. А.** Нормировка труда торговопромышленныхъ служащихъ. Ц. 40 к.
3) **Марголинъ, С.** Примирительныя камеры.
4) **Клейнбортъ, Л Н.** Отчего въ Россіи не стало хлѣба? Ц. 40 к.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ исторіи рабочаго законодательства въ Россіи.
6) **Клейнбортъ, Л. Н.** Подоходный налогъ.
7) **Ра-вичъ.** Биржи труда.
8) **Бонди, Б. А.** Аграрный вопросъ.

Отдѣлъ историко-революціонный:

1) **Поліевктовъ, М. А.,** проф. Родоначальники русской революціи — декабристы. Ц. 40 к.
2) **Пажитновъ, К. А.** Фурьеризмъ въ Россіи въ концѣ 1840-хъ год. („Петрашевцы“). Ц. 35 к.
3) **Пажитновъ, К. А.** Первые соціалисты въ Россіи (русскій сенъ-симонизмъ 30-хъ гг.). Ц. 35 к.
4) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Народничество и Народная Воля.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ развитія соц.-демок. въ Россіи.
6) **Гизетти, А. А.** Основы „народническаго“ соціализма.
7) **Іорданскій, Н. И.** Земскій либерализмъ въ Россіи.
8) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Русское земство въ борьбѣ за политическую свободу.
9) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Французская революція 1848 г.
10) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Парижская коммуна 1871 г.
11) **Кржевскій, Б. А.** пр.-доц. Якобинцы и якобинство.

Прив.-доц. ПИТИРИМЪ СОРОКИНЪ.

Причины войны и пути къ миру.

Цѣна 50 коп.

ПЕТРОГРАДЪ,
Изданіе Н. Н. КАРБАСНИКОВА.
1917.

подъ ред. С. В. Вознесенскаго.

Изд. Н. Н. КАРБАСНИКОВА.
Петроградъ, Гостиный дв. (внутри), № 67; тел. 2-26-60.

Отдѣлъ политическій:

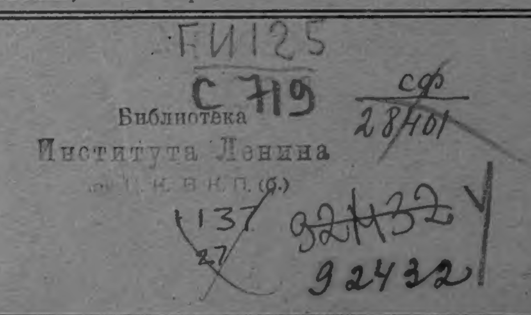
1) **Тхоржевскій, С. И.** Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Ц. 30 к.
2) **Лаврентьевъ, Д. К.** Что такое монархія и что такое республика и какія права должны быть у гражданъ. Ц. 25 к.
3) **Гессенъ, С. І.**, пр.-доц. Политич. свобода и соціализмъ. Ц. 45 к.
4) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое автономія.
5) **Вульфіусъ, А. Г.** проф. Свобода совѣсти. Ц. 40 к.
6) **Яновскій, А. Ѳ.** Глава республики — президентъ.
7) **Осинскій, М.** О гражданскихъ свободахъ. Ц. 35 к.
8) **Тхоржевскій, С. И.** Государственный строй Англіи. Ц. 45 к.
9) **Гессенъ, С. І.**, пр.-доц. Свобода и дисциплина. Ц. 40 к.
10) **Ярошевскій, А. Г.**, Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.
11) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое федерализмъ. Ц. 25 к.
12) **Гизетти, А. А.** Соціализмъ и индивидуализмъ.
13) **Ѳедотовъ, Г. П.**, пр.-доц. Тайна государства.
14) **Ѳедотовъ, Г. П.**, пр.-доц. Классовая борьба.
15) **Дмитріевичъ, Д. И.**, секретарь сербской миссіи. Право націи на самоопредѣленіе.
16) **Осинскій, М. А.** Церковь и государство.
17) **Клейнбортъ, Л. Н.** О партіяхъ и партійности. Ц. 35 к.
18) **Гессенъ, С. І.**, пр.-доц. Демократія и демагогія.

Отдѣлъ соціально-экономическій:

1) **Вознесенскій, С. В.** Профессіон. союзы рабочихъ. Ц. 40 к.
2) **Гудванъ, М. А.** Нормировка труда торговопромышленныхъ служащихъ. Ц. 40 к.
3) **Марголинъ, С.** Примирительныя камеры.
4) **Клейнбортъ, Л Н.** Отчего въ Россіи не стало хлѣба? Ц. 40 к.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ исторіи рабочаго законодательства въ Россіи.
6) **Клейнбортъ, Л. Н.** Подоходный налогъ.
7) **Марголинъ, С. О.** Биржи труда.
8) **Бонди, Б. А.** Аграрный вопросъ.

Отдѣлъ историко-революціонный:

1) **Поліевктовъ, М. А.**, проф. Родоначальники русской революціи — декабристы. Ц. 40 к.
2) **Пажитновъ, К. А.** Фурьеризмъ въ Россіи въ концѣ 1840-хъ год. („Петрашевцы"). Ц. 35 к.
3) **Пажитновъ, К. А.** Первые соціалисты въ Россіи (русскій сенъ-симонизмъ 30-хъ гг.). Ц. 35 к.
4) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Народничество и Народная Воля.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ развитія соц.-демок. въ Россіи.
6) **Гизетти, А. А.** Основы „народническаго" соціализма.
7) **Іорданскій, Н. И.** Земскій либерализмъ въ Россіи.
8) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Русское земство въ борьбѣ за политическую свободу.
9) **Ярошевскій, А. Г.**, пр.-доц. Французская революція 1848 г.
10) **Ярошевскій, А. Г.**, пр.-доц. Парижская коммуна 1871 г.
11) **Кржевскій, Б. А.** пр.-доц. Якобинцы и якобинство.

I.

Къ вопросу о причинахъ войны.

Вопросъ о причинахъ данной войны возникъ одновременно съ самой войной и съ тѣхъ поръ продолжаетъ усиленно обсуждаться.

Если въ первое время даны были кой-какія творческія попытки серьезно изслѣдовать и серьезно рѣшить этотъ сложный вопросъ, то въ послѣднее время, особенно за дни революціи у насъ, и постановка вопроса, и его рѣшеніе значительно упростились. Сотнями и тысячами выносятся резолюціи о войнѣ. Почти въ каждой изъ нихъ, въ качествѣ мотивировки, дано объясненіе причинъ ея возникновенія.

Почти всѣ они представляютъ стереотипное повтореніе другъ друга. Почти въ каждой изъ нихъ видно не только „упрощеніе мысли", но иногда больше того—ея отсутствіе.

Каждая изъ нихъ безапелляціонна и категорична, какъ сужденіе примитивнаго человѣка.

Въ чемъ же видятъ эти формулы причины войны? Отвѣтъ простъ: — въ имперіализмѣ. Теперь это слово на устахъ у всѣхъ. Газеты имъ пестрятъ. Оно не сходитъ съ устъ митинговыхъ ораторовъ, партійныхъ агитаторовъ и т. д. и т. д. „Имперіализмъ—причина войны", „Имперіалистическая война", „Имперіалистическія цѣли войны",—эти и подобныя фразы висятъ и носятся всюду.

„Данная война—война имперіалистическая, вызванная столкновеніемъ интересовъ международнаго капитала, борьбой за рынки и міровую гегемонію"—вотъ одна изъ такихъ стереотипныхъ формулъ.

Изъ нея столь же безапелляціонно дѣлаются и дальнѣйшіе выводы. Они таковы.

1) Современая война не освободительная, а „имперіалистическая".

2) Виновниками ея являются капиталистическіе классы всѣхъ воюющихъ странъ.

3) Въ силу этого, отвѣтственность за войну падаетъ исключительно на эти послѣдніе. Народу она была навязана ими. Народы были вовлечены въ войну правящими и буржуазными классами во имя и во славу интересовъ капитала.

4) А отсюда уже дѣлается и практическое заключеніе, гласящее: „Долой войну". Такова суть этой соціологической теоріи причинъ войны.

Она въ настоящее время стала шаблономъ, избитымъ мѣстомъ.

И что всего удивительнѣе, это то, что она принимается не только сторонниками экономическаго матеріализма, но и тѣми теченіями соціологической мысли, которыя на почвѣ теоріи экономическаго фактора не стоятъ. Примѣромъ могутъ служить резолюціи, выносимыя нѣкоторыми народническими, въ частности, соц.-революціонными организаціями. У народничества, какъ извѣстно, была своя „теорія факторовъ", глубоко отличная отъ теоріи марксизма. Данная въ основныхъ чертахъ въ рядѣ работъ П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловскаго, эта теорія получила отчетливое и систематическое выраженіе въ работахъ В. М. Чернова, въ особенности въ его статьяхъ: „Монистическая точка зрѣнія" и „Новые споры объ экономическимъ матеріализмѣ". (См. В. Черновъ: „Филос. и соціол. этюды").

Эта теорія факторовъ рѣзко отличается отъ теоріи марксизма. Прежде всего, она отрицаетъ главенствущее значеніе экономическаго фактора и не пытается объяснять общественныя явленія исключительно послѣднимъ.

По своему существу, она признавала и признаетъ множественность факторовъ. Каждое общественное явленіе для нея представляетъ равнодѣйствующую многихъ силъ и условій, совокупности которыхъ оно и обязано своимъ возникновеніемъ. Характернымъ для нея являлась и другая черта; та, что само понятіе „факторъ" она понимала не въ смыслѣ какой-то метафизической силы, „вызывающей" то или иное явленіе, а въ смыслѣ чисто методологическомъ, разсматривавшемъ любой „факторъ" какъ величину чисто условную, подобную „независимой перемѣнной" въ математикѣ.

Причинная связь въ этой теоріи превращалась въ чисто функціональную связь двухъ или большаго числа явленій. Само дѣленіе „факторовъ“ на главныхъ и второстепенныхъ данной теоріей отрицалось.

Не очерчивая ее подробно, достаточно будетъ сказать, что съ ея точки зрѣнія было бы невозможной и рѣшительно противорѣчащей и ея духу и ея содержанію всякая попытка свести то или иное общественное явленіе, въ особенности же такое грандіозное явленіе, какъ современная война, къ единой причинѣ, въ частности, къ экономической, еще подробнѣе — къ борьбѣ за рынки и міровую гегемонію капиталистическаго класса той или другой страны.

И однако, это сведеніе дано въ рядѣ резолюцій и докладовъ о войнѣ, читанныхъ и принятыхъ нѣкоторыми народническими теченіями общественной мысли.

„Мода времени“ и коллективный гипнозъ оказались столь сильными, что товарищи соц.-революціонеры забыли про свою соціологическую теорію. Сознательно или безсознательно приспособляясь къ „духу времени“ они незамѣтно сошли съ нея при объясненіи причинъ войны и цѣликомъ перескочили на рельсы теоріи экономическаго фактора, на стезю теоріи марксизма. Какъ и марксисты, причины войны они свели на однѣ экономическія причины. Призвавъ на помощь плохо понятаго Гильфердинга съ его „Финансовымъ Капиталомъ“, они увидѣли источникъ войны въ роли финансоваго капитала, въ той же борьбѣ за рынки, и т. д. и т. д. Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, они неизбѣжно должны были сдѣлать и всѣ выводы, вытекающіе изъ нея, выводы, указанные выше.

Плохо ли или хорошо все это было, — пока что не будемъ говорить, но одно несомнѣнно: во-первыхъ,— то, что народники при объясненіи причинъ войны использовали не свою теорію факторовъ, а чужую, марксистскую; во-вторыхъ,— то, что эта теорія имперіалистическаго объясненія причинъ войны рѣзко противорѣчитъ всей народнической теоріи факторовъ.

Отсюда самъ собой встаетъ вопросъ: правильно-ли они поступили? Если дѣйствительно своя теорія факторовъ не способна объяснить причины войны и приходится

обращаться къ помощи теоріи экономическаго матеріализма, то не равносильно ли это тому, что своя теорія факторовъ вообще негодна и какъ таковая должна быть отброшена? Если же она правильна, то встаетъ вопросъ, чего ради народники забыли о ней и продали право ея первородства за чечевичную похлебку марксистской теоріи экономическаго происхожденія войны?

Надъ этими вопросами не мѣшаетъ подумать. Попробуемъ кратко рѣшить ихъ.

Мой отвѣтъ гласитъ вполнѣ опредѣленно, а именно: соціал.-революціонерамъ, при объясненіи причинъ войны, не за чѣмъ было обмѣнивать свою теорію факторовъ общественной эволюціи на чечевичную похлебку теоріи марксизма — имперіалистическаго или еще у́же — чисто экономическаго происхожденія войны. Не стоило этого дѣлать, во-первыхъ, потому, что само понятіе имперіализма — понятіе неясное; во-вторыхъ, потому что, поскольку въ него вкладывается болѣе или менѣе опредѣленное содержаніе — оно происхожденіе войны объяснить неспособно; въ-третьихъ, потому что соціологическая доктрина марксизма невѣрна вообще; въ-четвертыхъ, потому что изъ невѣрной теоріи дѣлаются и невѣрные выводы; въ-пятыхъ, потому что соціологическая теорія факторовъ нашей партіи болѣе истинна, чѣмъ доктрина экономическаго матеріализма.

Довольно пунктовъ. Перейдемъ къ ихъ комментированію.

Первый пунктъ гласитъ: *Понятіе имперіализма, какъ причины войны, неспособно объяснить ея происхожденіе уже потому, что оно — понятіе неясное и неопредѣленное, поскольку имперіализмъ мыслится какъ нѣчто отличное отъ „экономики" и „экономическаго фактора"*.

Это положеніе въ наше время звучитъ парадоксально. Развѣ не толкуетъ теперь объ имперіализмѣ всякій, кому только не лѣнь? Развѣ не слышите вы это слово на устахъ каждаго? Развѣ не кажется оно чѣмъ-то подобнымъ религіозному догмату, критиковать который запрещено всѣмъ „нечестивцамъ"? Все это такъ.

Но все это не мѣшаетъ ему быть невѣдомымъ иксомъ. Онъ представляетъ одно изъ тѣхъ понятій, которыя успѣшно котируются на духовной биржѣ, но подлинная цѣнность ко-

торыхъ мало кому вѣдома. Покупаютъ и продаютъ эту цѣнность потому, что есть спросъ на это понятіе, какъ бываетъ спросъ на акціи, ровно ничего не стоющія. „Имперіализмъ“ — подобная акція.

Что онъ обозначаетъ и можетъ обозначать? Многіе подъ нимъ мыслятъ волю къ господству, не только къ экономическому, но къ господству и гегемоніи вообще. Если такъ понимать этотъ терминъ, то, очевидно, имперіализмъ старъ, какъ міръ, и является лишь новымъ словомъ для обозначенія чрезвычайно старыхъ вещей. Одни опредѣляли эти факты, какъ стремленіе всякой общественной группы поглотить другія; другіе, напримѣръ, Н. К. Михайловскій, называли это явленіе „борьбой за индивидуальность“, третьи — просто волей къ власти. Въ такой формѣ имперіализмъ былъ явленіемъ, присущимъ человѣческому обществу „съ поконъ вѣковъ“, а не только въ эпоху капитализма. Посему видѣть въ немъ специфическую причину данной войны, причину, вдобавокъ, якобы свойственную только капиталистическому строю общества, — дико и нелѣпо. Въ этомъ смыслѣ имперіализмъ былъ одинаково причиной всѣхъ войнъ отъ Адама до нашихъ дней, и даже раньше Адама, ибо тотъ же Н. К. Михайловскій ясно показалъ, что борьба за индивидуальность — явленіе общеміровое, свойственное не только человѣческому міру, но и міру біологическому и даже — неорганическому. Въ этомъ смыслѣ имперіализмъ, несомнѣнно, является однимъ изъ условій данной войны; но такимъ же условіемъ является законъ тяготѣнія и сотни другихъ постоянныхъ причинъ. Оба они имѣютъ постоянное значеніе, а не представляютъ то специфическое условіе, которое свойственно только данной войнѣ и специальному вмѣшательству котораго обязана война своимъ возникновеніемъ. Короче, имперіализмъ въ этомъ смыслѣ — новое слово для старыхъ понятій и не можетъ поэтому быть специфической причиной данной войны.

Есть и другое значеніе этого термина. Оно едва ли было не первичнымъ его значеніемъ. Это слово впервые появилось едва ли не въ англо-американскомъ мірѣ и обозначало просто стремленіе англійской метрополіи установить болѣе тѣсную связь съ своими колоніями. Связь эта мыслилась не только какъ экономическая, но и административная, политическая, правовая, шире — культурная.

Что имперіализмъ и въ этомъ смыслѣ не могъ быть достаточной причиной войны — едва ли нужно подробно указывать. Во первыхъ, онъ скорѣе способенъ былъ бы объяснить войну метрополіи Англіи съ ея колоніями, если бы таковая вспыхнула, а не войну Англіи и ея союзниковъ съ германской коалиціей. Не стоитъ подробно останавливаться на этомъ понятіи имперіализма и потому, что непосредственно въ этой формѣ, насколько мнѣ извѣстно, никто не попытался примѣнить его къ объясненію причинъ данной бойни. Итакъ, *поскольку имперіализмъ обозначаетъ понятіе, не совпадающее съ понятіемъ экономическаго фактора,* въ частности съ борьбой за господство на рынкахъ, *онъ представляетъ либо совершенно неопредѣленное понятіе, либо новый терминъ для старыхъ явленій*, которыя, въ качествѣ постояннаго условія, играли роль не только въ возникновеніи данной войны и всѣхъ прошлыхъ войнъ, но обусловливали и обусловливаютъ возникновеніе любого соціальнаго явленія. Въ силу этого, имперіализмъ въ этомъ смыслѣ не можетъ быть специфической причиной данной войны и не можетъ объяснить ея происхожденія.

Перейдемъ теперь къ имперіализму, понимаемому въ смыслѣ борьбы національнаго капитала за экономическое господство на рынкахъ, короче — къ имперіализму въ значеніи борьбы капитала за рынки. Въ этомъ случаѣ понятіе имперіализма получаетъ болѣе опредѣленное содержаніе. Мало того, онъ становится характерной чертой капиталистическаго строя.

Но встаетъ вопросъ: способенъ ли имперіализмъ этой формы объяснить происхожденіе войны, быть достаточной причиной послѣдней?

Отвѣтъ приходится дать отрицательный, и вотъ почему. Прежде всего, прекрасное доказательство негодности этой теоріи даютъ ея же сторонники. Возьмемъ для примѣра книгу Н. Н. Суханова: „Изъ-за чего мы воюемъ?“. Этотъ авторъ цѣликомъ стоитъ на точкѣ зрѣнія имперіалистическаго происхожденія войны въ данномъ значеніи. Развивая свою точку зрѣнія и анализируя экономическую конкурренцію воюющихъ странъ, онъ приходитъ къ довольно неожиданному выводу. Оказывается, что Россія не имѣла и не имѣетъ ровно никакихъ экономическихъ причинъ для своего участія въ міровой

бойнѣ. Такъ-таки никакихъ. Я не знаю, усматриваетъ ли самъ уважаемый авторъ вопіющее противорѣчіе этого вывода съ его исходной аксіомой, но для читателя это противорѣчіе ясно. Одно изъ двухъ: либо причиной данной войны является борьба за рынки и столкновеніе интересовъ капитала, тогда эта причина должна быть дана во *всѣхъ воюющихъ* государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Если же послѣдняя не имѣла и не имѣетъ такихъ экономическихъ интересовъ, которые могли бы побудить ее къ войнѣ, — какъ доказываетъ Н. Н. Сухановъ, — то отсюда слѣдуетъ, что для ряда государствъ причиной ихъ участія въ войнѣ являются уже не экономическія условія, а нѣчто другое. А это означаетъ, что одна „борьба за рынки“ безсильна объяснить данную войну, что для пониманія ея возникновенія приходится привлекать какіе-то другіе „факторы“, помимо имперіализма.

Таковъ аргументъ противъ имперіализма въ разсматриваемомъ смыслѣ, аргументъ, даваемый самими же теоретиками данной доктрины. Этого факта было бы достаточно для формальнаго „отвода“ этой теоріи.

Но противъ нея можно привести не мало возраженій и по существу. Она исходитъ изъ аксіомы: борьба національнаго капитала за экономическое господство, неотъемлемо присущая капиталистическому строю, неизбѣжно приводитъ къ войнѣ. Примемъ условно это положеніе.

Тогда самъ собой встаетъ рядъ вопросовъ: 1) Такъ какъ борьба интересовъ капитала дана не только между англо-французскимъ капиталомъ, съ одной стороны, и германо-австрійскимъ — съ другой, а она существуетъ и между капиталомъ Англіи и Франціи, Франціи и Италіи, Англіи и Россіи, Германіи и Австріи, короче — между капиталомъ любого государства съ капиталомъ всѣхъ остальныхъ государствъ — и союзныхъ и враждебныхъ, — то спрашивается: *почему же война вспыхнула именно между германо-австрійско-турецкой коалиціей, съ одной стороны, и англо-бельго-франко-итало-русской — съ другой?* Почему въ этой борьбѣ капитала государства распредѣлились такъ, а не иначе? Почему борьба экономическихъ интересовъ Англіи и Россіи, борьба несомнѣнно давняя, не вызвала войны между Англіей и Россіей, а почему-то породила войну между Россіей и Германіей? Этого конкретнаго расположенія государствъ

во враждебныя коалиціи теорія имперіализма не могла и не можетъ объяснить...

2) Пойдемъ дальше. Борьба капитала за рынки — явленіе постоянное для капиталистическаго строя. Она была дана и раньше. Въ силу этого встаетъ вопросъ: *почему же война вспыхнула именно теперь, а не раньше и не позже?* Вѣдь борьба капитала — фактъ постоянный? Гдѣ же и въ чемъ же заключаются тѣ иксы, которые, присоединившись къ этой постоянной причинѣ, вызвали современную распрю? Эти иксы, къ сожалѣнію, теоретиками имперіализма не указываются. А безъ нихъ безплодной оказывается и вся теорія имперіализма въ разсматриваемомъ отношеніи.

3) Сомнительной эта теорія является и потому, что *лица, стоящія на ея почвѣ и орудующія однѣми и тѣми же данными, приходятъ въ рядѣ вопросовъ къ діаметрально-противоположнымъ выводамъ.* Въ русской литературѣ образцами такихъ работъ могутъ служить съ одной стороны, работы Мукосѣева, съ другой — Суханова. Исходя изъ одной и той же посылки и оперируя однѣми и тѣми же данными, одинъ изъ нихъ приходитъ къ выводу, что виновникомъ войны является германскій капиталъ, другой — англійскій. Этотъ фактъ, хотя и не имѣетъ рѣшающаго значенія, но онъ чрезвычайно симптоматиченъ. Онъ ясно показываетъ, какъ непрочна теорія и какъ ненадежны выводы извлекаемые съ ея помощью.

Въ итогѣ сказаннаго становится понятнымъ, почему приходится отрицательно отнестись и къ теоріи экономическаго имперіализма, какъ достаточной причины войны. Хотя она сейчасъ въ „модѣ", хотя она исповѣдуется теперь весьма и весьма многими, отъ этого, однако, она еще не становится истинной, доказанной и пріемлемой.

4) Негодна теорія экономическо - имперіалистическаго происхожденія войны еще и по другому основанію, по тому, въ силу котораго вообще негодна теорія экономическаго фактора, какъ и всякая другая „монистическая" доктрина факторовъ. Сущность всякой „монистической" теоріи заключается въ томъ, что она пытается свести исторію къ уравненію съ однимъ неизвѣстнымъ, объяснить всю пеструю ткань общественныхъ явленій одной или почти одной причиной.

Марксизмъ, въ частности, все пытается свести къ единому основному экономическому фактору.

Небольшого размышленія достаточно, чтобы признать всякую теорію *„единаго или единаго главнаго фактора“* — негодной. Въ самомъ дѣлѣ, если такое простѣйшее явленіе, какъ механическое движеніе, физика принуждена объяснять, по меньшей мѣрѣ, двумя условіями — тяготѣніемъ и инерціей, то сложнѣйшія общественныя явленія, въ частности войну, объяснить путемъ одного условія, одной причины — экономики — дѣло, очевидно, невозможное. Это — покушеніе съ абсолютно негодными средствами. Мудрено ли поэтому, что всѣ такія объясненія даютъ лишь чисто словесный анализъ, безплодный, пустой, напоминающій мнѣ всегда Лесажевскаго доктора, всѣ болѣзни лечившаго однимъ лекарствомъ — водой. Соціологія „единаго фактора“ — это соціологія того уровня, на которомъ когда-то стояла медицина знахарей, лечившихъ отъ всякихъ недуговъ угольками и нашептываніемъ.

Одного этого соображенія достаточно, чтобы отвергнуть всякую теорію причинъ войны, которая пыталась бы усмотрѣть эту причину въ одной экономикѣ и въ любомъ единомъ факторѣ.

Не мѣшаетъ, примѣнительно къ марксизму, указать и еще на одинъ фактъ. Одинъ изъ выводовъ теоріи имперіалистическаго происхожденія войны, вполнѣ послѣдовательно, всю отвѣтственность за войну возлагаетъ на буржуазію. Благодаря ей, — гласитъ этотъ выводъ, — народы были втянуты въ войну, которую они не хотѣли.

Для народника такой выводъ возможенъ. Онъ не противорѣчитъ его теоріи „героевъ и толпы“, его ученію о роли личности въ исторіи. Но какъ примирить этотъ тезисъ съ концепціей марксизма? Вѣдь, конкретно, получается такая картина: собралась кучка капиталистовъ, жаждущихъ войны, которую весь народъ не хочетъ. И эта кучка сумѣла втянуть въ бойню милліоны людей, не желавшихъ ее. Такая картина любопытна. Не только народничество, но даже самъ Карлейль не доходилъ до такой картины. Вѣдь, она означаетъ не больше, не меньше, какъ признаніе такого вліянія за личностью, что она становится способной повести за собой цѣлые милліоны противодѣйствующихъ ей лицъ. И это

говорятъ марксисты, отличавшіеся всегда отрицаніемъ какого-либо существеннаго значенія и вліянія личности. Поистинѣ, въ наши времена перепутались всѣ карты и начинается настоящая логическая эквилибристика!

Выводъ изъ всего сказаннаго простъ и ясенъ.

1) Теорія имперіализма вообще негодна для объясненія причинъ войны. 2) Народникамъ не было никакихъ резоновъ перескакивать съ своей теоріи факторовъ на рельсы этой марксистской доктрины. 3) Задача народника заключается въ томъ, чтобы примѣнить къ данному вопросу свою теорію, не потому, что она „своя", а потому, что она, по моему крайнему убѣжденію, болѣе правильна и способна болѣе успѣшно рѣшить сложный вопросъ о причинахъ данной войны.

II.

Пути къ миру.

Человѣчество устало отъ войны и хочетъ скорѣйшаго мира. Человѣчество устало отъ убійствъ и насилій и жаждетъ такого мира, который былъ бы проченъ, справедливъ и продиктованъ не аргументомъ штыка, а развитой соціалистической совѣстью.

Невольно поэтому встаетъ вопросъ: какъ осуществить эту желанную цѣль? Какими путями итти къ ней?

Даны три дороги, три основныхъ рецепта.

Одинъ изъ нихъ гласитъ: „Война до полнаго разгрома враждебной стороны. Война до достиженія такой побѣды, которая позволяла бы побѣдителямъ диктовать свою волю побѣжденнымъ!" Отсюда практическій выводъ: не нужно никакихъ мирныхъ переговоровъ, никакихъ попытокъ народовъ и правительствъ къ выясненію условій мира. Когда разгромъ противника станетъ фактомъ, — нужныя условія ему будутъ навязаны! Такова сущность этого рецепта.

Нужно-ли говорить, что онъ непріемлемъ? Его результатъ — война ради войны. Онъ въ корнѣ противорѣчитъ требованіямъ соціалистической совѣсти. Онъ затягиваетъ войну до безконечности и ведетъ къ окончательному истощенію враждующія стороны. Не будемъ останавливаться на немъ. Онъ уже похороненъ и едва ли можетъ снова воскреснуть.

Другой путь противоположенъ первому. Это путь большевизма *). Его сущность: — немедленное прекращеніе войны явочнымъ порядкомъ. Его лозунгъ — „миръ во что бы то ни стало“. Его рецептъ: установленіе мира путемъ всемірной революціи, возстанія народовъ противъ своихъ правителей. Отсюда — выводы: солдаты должны бросать оружіе, выходить изъ окоповъ и черезъ головы своихъ правительствъ, черезъ щетину штыковъ, должны братски протянуть другъ другу руки. Первый путь отвергалъ всякое посредничество и всю силу доводовъ переносилъ на силу штыка, второй — наоборотъ: отвергаетъ всякую войну, требуетъ ея немедленнаго уничтоженія и центръ тяжести переноситъ на внутреннюю борьбу и мирное посредничество.

Что сказать объ этомъ проектѣ? Несомнѣнно, онъ заманчивъ. Несомнѣнно, всѣ соціалисты подписались бы подъ нимъ обѣими руками. Онъ сулитъ намъ миръ близкій и миръ, устанавливаемый молотомъ творческой революціи. Въ этой плоскости съ нимъ нельзя спорить. Остается, поэтому лишь одинъ вопросъ: осуществимъ ли онъ? Даны ли реально тѣ посылки, изъ которыхъ онъ исходитъ и на которыхъ онъ построенъ?

Стоитъ поставить этотъ вопросъ, и рѣшеніе становится инымъ. Это рѣшеніе гласитъ: проектъ хорошъ, но неосуществимъ теперь. Онъ продиктованъ „горестными замѣтами сердца“, но не „холодными размышленіями ума“.

Почему?

---

*) Событія теперь идутъ съ бѣшеной быстротой. Тогда, когда эти строки писались, большевизмъ былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ. Насъ, такъ назыв. „соціалъ-патріотовъ“, тогда чуть ли не считали еретиками. Теперь, большевизмъ временно разбитъ. „Соціалъ-патріотизмъ“ сталъ позиціей всей револ. и соціалистич. демократіи. Аргументы, въ свое время приводившіеся нами, теперь стали пріемлемыми почти для всѣхъ соціальныхъ партій. Если для многихъ эта критика большевизма покажется теперь запоздалой, то не нужно забывать, что при первомъ своемъ появленіи она для большинства русскихъ соціалистовъ была слишкомъ преждевременной. „Циммервальдизмъ“ тогда былъ въ модѣ — теперь событія заставили презрѣть и фанатиковъ. Это одно основаніе появленія на свѣтъ этихъ строкъ. Другое то, что большевизмъ, думается намъ, еще не изжитъ. Новое возвращеніе его возможно. А въ силу этого не лишними будутъ и нижеслѣдующія строки, направленныя противъ него.

Потому, что онъ рѣшительно не учитываетъ подлинныя конкретныя условія современной жизни. Его сущность — вѣра во всемірную революцію. Онъ полагаетъ, 1) что эта революція всюду произойдетъ теперь же и именно на почвѣ войны, 2) что во всѣхъ воюющихъ странахъ ненависть къ правительству достигла максимума, 3) что войну ведетъ только правящій классъ, а не народъ, и 4) что народъ въ состояніи сбросить гнетъ „буржуазіи и имперіалистовъ". Таковы его посылки. Таковы тѣ основы, изъ которыхъ онъ исходитъ и безъ которыхъ онъ неосуществимъ.

Спросимъ себя: такъ ли дѣло обстоитъ въ дѣйствительности?

Увы! не такъ. Далеко не такъ.

Какіе признаки говорятъ о томъ, что въ Германіи немедленно разразится революція? Есть ли хоть какой-нибудь несомнѣнный симптомъ того, что большинство германскаго народа ненавидитъ власть Вильгельма и его приспѣшниковъ и немедленно готово свергнуть ее? Увы, нѣтъ. Обратныхъ же свидѣтельствъ не мало. Чѣмъ отвѣтило большинство германской соціалъ-демократіи на призывъ Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ? — Окрикомъ: пожалуйста, не вмѣшивайтесь въ наши дѣла. Что дѣлали германскіе рабочіе, какъ и рабочіе другихъ странъ, кромѣ Россіи, въ день 1-го мая? — Работали на заводахъ, изготовляющихъ пушки и снаряды. Что говорятъ крупнѣйшія организаціи среднихъ классовъ Германіи и большинство рейхстага? — Старыя рѣчи о захватѣ, о милліардныхъ контрибуціяхъ, о расчлененіи Бельгіи, и т. д. Какія реформы обѣщаетъ Вильгельмъ? — Никакихъ, кромѣ нестоющей гроша мѣднаго реформы избирательнаго права Пруссіи. Такихъ обратныхъ свидѣтельствъ можно привести сотни. Итогъ ихъ одинъ. Какъ бы горячо мы ни желали всемірнаго возстанія, однако, *надежда на немедленный революціонный пожаръ въ Германіи—пока не оправдана.* Возможно, что онъ будетъ, но рѣчь идетъ о данномъ моментѣ.

Еще менѣе вѣроятной эта надежда является въ примѣненіи къ Англіи, Франціи и Америкѣ. Кому, какъ не своему рабочему классу обязана Англія тѣмъ, что смогла развернуть во всю свою военную силу? Можно ли говорить о томъ, что англійское правительство было бы въ состояніи вести свою военную политику, если бы англійскій

народъ не поддерживалъ его? А на кого опирается французское правительство въ своей оборонительной войнѣ? Есть ли за нимъ поддержка народа? — Да, несомнѣнно. И лучшимъ доказательствомъ этого служитъ линія поведенія французскихъ соціалистовъ. Если же послѣдніе солидарны съ правительствомъ въ военной политикѣ, то что сказать о несоціалистическихъ массахъ французскаго народа! О революціи же въ великой американской республикѣ и подавно не можетъ быть рѣчи.

Быть можетъ, революціонный пожаръ и охватитъ въ будущемъ Европу, но рѣчь идетъ о революціи немедленной, долженствующей наступить теперь же, въ ближайшемъ будущемъ и вызванной расхожденіемъ воли народа и правительства по вопросу о войнѣ. Симптомовъ такой революціи пока мало, а потому и рецептъ прекращенія войны путемъ немедленной всемірной революціи—весьма сомнителенъ и мало надеженъ.

Таковъ выводъ, не скрою, выводъ невеселый, но едва ли ошибочный.

Поэтому, волей-неволей приходится искать иныхъ путей. Ихъ приходится искать еще и потому, что этотъ проектъ при попыткѣ проведенія его только въ одной изъ воюющихъ сторонъ, грозитъ великими бѣдствіями и способенъ не приблизить, а отдалить дѣло мира.

Въ самомъ дѣлѣ, что получится, если русская армія и русская демократія въ надеждѣ на революцію въ Германіи теперь же фактически начнуть проводить этотъ рецептъ въ жизнь, бросятъ оружіе, начнутъ „брататься“, оголятъ фронтъ и разойдутся по домамъ? Не что иное, какъ рядъ неисчислимыхъ бѣдствій для 170 милліоновъ людей.

Кто поручится за то, что германцы не пойдутъ дальше внутрь Россіи? Чѣмъ завѣрятъ насъ, что нѣмцы не захватятъ Петроградъ, Москву и десятки другихъ городовъ, не наложатъ милліонныя контрибуціи и не введутъ у насъ тѣ же „свободные“ порядки, которые они ввели въ Бельгіи? Можетъ ли кто-нибудь взять на себя отвѣтственность за тѣ сотни тысячъ бѣженцевъ, которые снова хлынутъ вглубь Россіи, голодные, лишенные всего, больные и умирающіе отъ бѣдствій? Кто поручится за то, что завоеванную нами свободу

побѣдители „милостиво оставятъ“ для новоиспеченныхъ гражданъ Россіи? *)

Мало того. Могутъ ли ревнители этого рецепта гарантировать намъ, что наши союзники, въ воздаяніе за нашу измѣну, не объявятъ намъ съ своей стороны войну и не поставятъ насъ лицомъ къ лицу съ новымъ зломъ?

Такихъ вопросовъ безъ конца. И отвѣтъ на нихъ одинъ и тотъ же. Онъ гласитъ: „нѣтъ, не могутъ!“ Вотъ почему, когда приходится слышать подобныя рѣчи, не можетъ не возникать опасеніе за судьбы мира и отечества и горькое сожалѣніе за слишкомъ большихъ фантазеровъ, шуйца которыхъ уничтожаетъ посѣвы ихъ десницы.

Однако, всѣ эти доводы нисколько не убѣждаютъ большевиковъ въ ошибочности ихъ рецепта и они съ настойчивостью природнаго упрямца продолжаютъ твердить свое и ничуть не склонны хотя бы сколько-нибудь сдать свои позиціи.

Недавно, въ 69 номерѣ „Правды“, они развернули снова всю свою программу достиженія скорѣйшаго мира. На этой программѣ стоитъ остановиться.

Большевики хотятъ скорѣе ликвидировать войну. Прекрасно. Всѣ мы этого хотимъ.

Но какія же средства указываютъ они для достиженія этой цѣли?

Всмотримся въ ихъ резолюцію. Изъ нея слѣдуетъ, что эти средства таковы:

1) Воззваніе къ народамъ міра устроить всемірную революцію. (п. 4, „в“).

2) Новое воззваніе Сов. Р. и С. Д. съ подтвержденіемъ отказа отъ захватныхъ цѣлей войны (п. 4, „а“).

3) Еще воззваніе о томъ, что договоры должны быть опубликованы (п. 4, „б“).

4) Еще воззваніе правительства къ правительствамъ и народамъ съ изложеніемъ условій мира (п. III).

5) Пятое воззваніе о недопустимости наступленія (п. 2).

---

*) Это писалось въ апрѣлѣ. Теперь въ іюлѣ мы имѣемъ фактическое подтвержденіе сказаннаго: наши арміи бѣгутъ, непріятель глубже и глубже вторгается въ предѣлы родины, бѣдствія громадны и т. д.

Увы! предупрежденія сбылись.

6) Шестое воззваніе о необходимости самоорганизаціи арміи (п. IV).

Вотъ и все... Итакъ, большевики хотятъ ликвидировать войну. Прекрасно. Средствомъ ликвидаціи ея они считаютъ что?—Путь воззваній. Выводъ довольно неожиданный, но тѣмъ не менѣе точный. Способъ большевистскаго окончанія войны—путь безчисленныхъ воззваній. Прекрасно. „Пріемлемъ и ничто же вопреки глаголемъ". Но спросимъ себя: неужели же все это предлагается серьезно? Неужели большевики и въ прямь разсчитываютъ такимъ путемъ ликвидировать войну?

Неужели же нашелся бы хоть одинъ человѣкъ, кто сталъ бы спорить противъ данныхъ рецептовъ большевизма, если бы они были дѣйствительно пригодны?—Едва ли.

Споръ, слѣдовательно, идетъ только о томъ, насколько дѣйствительны эти мѣры. Вотъ тутъ-то и начинается разногласіе. Большевики думаютъ, что можно спасти міръ воззваніями. Мы въ это не вѣримъ. Они увѣрены въ томъ, что за воззваніемъ послѣдуетъ дѣйствіе. Мы въ этомъ сомнѣваемся.

Допустимъ, всѣ воззванія выпущены. Допустимъ, что воззваніе, призывающее къ міровой революціи, опубликовано. Слѣдуетъ ли отсюда, что вслѣдъ за воззваніемъ сразу же вспыхнетъ и революція? Большевики говорятъ „да". Мы говоримъ: „неизвѣстно". Больше того: такъ какъ такія воззванія уже были, и такъ какъ міровой революціи до сихъ поръ нѣтъ, то отсюда мы дѣлаемъ выводъ: на одни воззванія нельзя полагаться и нельзя строить на нихъ свои расчеты и свою политику, опредѣляющую судьбы милліоновъ.

То же относится и ко всѣмъ остальнымъ воззваніямъ. Воззваніе къ народамъ міра уже было. Оно дало кой-какіе эффекты. Но приблизило ли къ намъ оно миръ?

Можно выпустить второе, третье, двадцатое воззваніе. Это не трудно. Но будетъ ли отъ этого легче человѣчеству?

Можно опубликовать и договоры. Дано было и воззваніе правительства. Почти все, предлагаемое большевиками, уже выполнено. А исчезла ли война отъ этихъ мѣръ? Приблизился ли миръ хоть сколько-нибудь? О, если бы это было

такъ! Увы! Исторія еще разъ убѣждаетъ, что одно дѣло писать циркуляры и воззванія, другое дѣло управлять теченіемъ жизни. Нельзя тушить пожаръ одними приказами послѣднему потухнуть. Утопично гасить пожаръ войны одними воззваніями да надеждами на міровую революцію.

Если бы большевики дѣлали только это—бѣды въ ихъ дѣйствіяхъ не было бы. Просто смотрѣли бы на нихъ, какъ на чудаковъ и фантазеровъ. Но въ большевизмѣ есть не только это; тамъ есть и другое, болѣе горшее и безусловно опасное. Исходя изъ убѣжденія, что одними воззваніями можно перевернуть міръ, они, не задумываясь, рушатъ то, что нельзя рушить. Въ надеждѣ на журавля міровой революціи они губятъ синицу иныхъ, болѣе реальныхъ путей ликвидаціи войны. Они губятъ армію. Они ее дезорганизуютъ. Они призываютъ солдатъ къ неповиновенію. Они борятся съ наступленіемъ. Короче уничтожаютъ тотъ аппаратъ, который необходимъ для борьбы съ дальнѣйшимъ наступленіемъ германцевъ, который необходимъ для защиты революціи, для достиженія того же мира безъ захватовъ и контрибуцій. А что, если въ Германіи революціи не будетъ? А что, если германская армія останется организованной и дисциплинированной, а русская и союзныя арміи въ это время будутъ дезорганизованны? Что тогда большевики противопоставятъ натиску германцевъ? Чѣмъ они будутъ бороться противъ захватовъ германскаго имперіализма? Тоже воззваніями?

Правда, большевики могутъ, на основаніи IV п. резолюціи возразить, что они не призываютъ къ дезорганизаціи арміи. Но это слова. Призывать къ неповиновенію, къ борьбѣ съ приказомъ о наступленіи, поощрять неповинующіеся полки, призывать къ братанію, возбуждать вражду къ офицерству и къ министру соціалисту, съ одной стороны, и въ то же время говорить, что они не призываютъ къ дезорганизаціи, что это такое, какъ не внутреннее противорѣчіе! Надѣюсь, большевики не настолько наивны, чтобы не понимать этого противорѣчія.

Итогъ сказаннаго ясенъ. Разсчитывая на фантастически-канцелярскіе пути ликвидаціи войны, большевики губятъ армію, дезорганизуютъ страну, дѣлаютъ ее беззащитной отъ германской агрессивности, отдаютъ ее въ произвольное распоряженіе послѣдней и потому не только не приближаютъ, а,

напротивъ, отдаляютъ дѣло мира. Поэтому—большевизмъ опасенъ, больше того—онъ вреденъ *).

На ряду съ указанными чертами, всякаго непредупрежденнаго человѣка не можетъ не поразить и еще одна черта большевистской кампаніи за миръ. Эта черта—односторонность ихъ психологіи, ихъ благосклонное отношеніе къ Германіи и враждебное къ союзникамъ. Все, что исходитъ отъ послѣднихъ, встрѣчается большевиками бранью и злобой, все что исходитъ отъ Германіи, встрѣчается ими милостиво и благожелательно. Если, по мнѣнію большевиковъ, отъ союзниковъ нельзя ждать добра, то отъ Германіи можно ждать только одного добра. Тамъ презумпція „неисправимости союзниковъ", здѣсь презумпція „праведности германцевъ". И чего, чего только не ждутъ пилигримы Циммервальда отъ Германіи! Еще въ первые дни революціи они угостили насъ телеграммой о революціи въ Берлинѣ. Она оказалась ложной. Тогда стали увѣрять, что стоитъ протянуть германскому народу руку — и онъ отвѣтитъ пожатіемъ и, пожавши, сброситъ Вильгельма. Прошелъ мѣсяцъ, другой, третій. А революціи нѣтъ какъ нѣтъ. Былъ Стоходъ, было братаніе, была радіотелеграмма Гинденбурга, была рѣчь Бетманъ-Гольвега, были заявленія Шейдемана и шести крупнѣйшихъ союзовъ Германіи... И что же? Хоть бы одно слово, похожее на формулу мира безъ аннексій и контрибуцій, хотя бы одинъ искренній шагъ навстрѣчу желаніямъ русской демократіи, хоть бы одно дѣйствіе, позволяющее судить, что революція въ Германіи возможна, хотя бы одинъ искренній отказъ отъ захватовъ. Ничего подобнаго не было, кромѣ тактики германскаго соціалистическаго меньшинства, данной и до революціи. А обратнаго—сколько угодно. Даже Шейдеманъ и тотъ далъ формулу мира съ захватами и аннексіями.

Что же тогда сказать о требованіяхъ канцлера, юнкеровъ, аграріевъ, иначе говоря, большинства Германіи. И при всей ясности дѣла встрѣчаемъ ли мы на страницахъ нашихъ большевиковъ хоть какую-либо критику Германіи и ея имперіализма? Увы, почти нѣтъ. Брани противъ союзниковъ сколько угодно. А противъ Германіи—никакой. Угрозъ про-

*) Увы! Событія 3—5 іюля и дальнѣйшихъ дней вполнѣ оправдали и эту оцѣнку. Теперь, врядъ-ли, кто будетъ ее оспаривать.

тивъ союзниковъ безъ конца—а по адресу Германіи встрѣчаемъ только пышныя фразы о близкой революціи въ ней, объ интернаціонализмѣ Германіи и тому подобномъ и... больше ничего...

Развѣ все это не странная односторонность?*)

Наконецъ, какъ окончательный выводъ большевистскаго рецепта мира появилась статья С. Д. Мстиславскаго, указывающая „прямой путь“ къ миру, ставящая точки надъ і и являющаяся, въ своемъ родѣ знаменательной. Остановимся и на ней. Она этого заслуживаетъ.

С. Мстиславскій разсматриваетъ три возможныхъ пути къ миру. Первый путь, это путь присоединенія къ политикѣ союзниковъ.

„Отрекшись отъ лозунговъ, которыхъ „соблазнительными“ объявила союзная буржуазія, вновь возсоединивъ съ нею и политическій и стратегическій фронтъ, мы дадимъ ей побѣду: въ этомъ для меня сомнѣнія нѣтъ, ибо ясно, неопровержимо ясно, что центральныя имперіи не смогутъ выдержать новой гекатомбы, въ которой союзники, по численному соотношенію силъ, смогутъ дать на одинъ нѣмецкій трупъ—пять своихъ труповъ, и на одинъ нѣмецкій снарядъ, на одну волну нѣмецкихъ ядовитыхъ газовъ—три снаряда „съ кипящимъ масломъ“, три ядовитыхъ волны“...

Итогомъ этого пути, по Мстиславскому, былъ бы разгромъ Австріи и Германіи во славу союзнаго имперіализма. Мало того, этотъ путь привелъ бы и къ гибели революціи, къ отказу отъ ея міровыхъ заданій и къ ограниченію сферы революціи рамками національнаго государства. Путь, очевидно, непріемлемый.

Второй возможный путь, это путь сепаратнаго мира, путь выхода изъ сферы воюющихъ государствъ.

С. Мстиславскій не пріемлетъ и этого пути. Не пріемлетъ потому, что тогда на произволъ судьбы будетъ брошено государство Россійское; потому, что онъ ведетъ къ той же гибели революціи; потому, что онъ означалъ бы ударъ въ спину союзникамъ во славу австро-германскаго имперіализма.

---

*) Это „странность“ теперь становится менѣе странной. Быть можетъ, ее разъяснитъ начатое слѣдствіе по обвиненію койкого въ шпіонствѣ и измѣнѣ. Подождемъ—увидимъ.

Остается, слѣдовательно, путь третій. Не безъ витіеватаго краснорѣчія очерченъ онъ С. Д. Мстиславскимъ. Въ чемъ его суть?—Вотъ въ чемъ:

„Этотъ путь—расторженія Россіей договоровъ, заключенныхъ царизмомъ, и продолженіе вооруженной борьбы уже не какъ союзницы имперіалистическихъ правительствъ запада, расходующей свои силы, свою кровь по указаніемъ Лондона и Парижа, но какъ союзницы трудящихся всего міра „какъ вооруженнаго авангарда Интернаціонала, ведущаго борьбу за свои цѣли, за свои лозунги—во имя свое".

„Намъ нѣтъ другого пути, ибо, поскольку судьбами Германіи будетъ, попрежнему, править Гинденбургъ, и не будетъ сброшено въ грязь захватное знамя, обманутыми руками народныхъ толпъ вынесенное далеко на востокъ и на западъ черезъ испепеленныя поприща,—между русской революціей и германской автократіей нѣтъ общаго языка, какъ нѣтъ его между нами и имперіалистами Англіи и Франціи. И мы одинаково—не слуги ни тѣмъ ни другимъ. И если ни тѣ ни другіе не слушаютъ голоса мира и справедливости и братства, и единствомъ захватныхъ замысловъ сливаются нынѣ противъ насъ въ единый станъ вчерашніе враги—да будетъ! Но мы не выйдемъ изъ борьбы. И если только оружіемъ можно заступить дорогу захватамъ—освящено оружіе для этой цѣли: ибо это оружіе—не войны, но возстанія.

Расторгнуть договоры и продолжать борьбу, не считаясь въ стратегіи своей съ иными указаніями, кромѣ указаній революціи".

Такова сущность этого пути, называемаго авторомъ „прямымъ путемъ".

На немъ стоитъ остановиться. Въ предыдущихъ строкахъ дана цѣльная, стройная, законченная идеологія.

Что предлагаетъ намъ Мстиславскій? Ни больше ни меньше, какъ объявленіе войны и нашимъ союзникамъ, и нашимъ противникамъ. Въ силу чего? Въ силу того, что и тѣ, и другіе стремятся къ захватамъ, къ аннексіямъ и прочимъ имперіалистическимъ заданіямъ. Разъ обѣ стороны не отказываются отъ этихъ заданій, которыя для революціи непріемлемы, разъ присоединеніе къ той или другой сторонѣ означаетъ поощреніе одного имперіализма за счетъ другого—остается одно, остается „возстаніе"

противъ той и другой стороны, остается объявленіе войны всему воюющему міру.

Заданіе грандіозное, по-истинѣ революціонное, по-истинѣ превосходящее все, что можно выдумать. Но въ немъ есть... только два недостатка: 1) оно абсолютно утопично и не способно привести къ поставленной цѣли; 2) при попыткѣ его осуществленія оно будетъ прямымъ путемъ „но только не къ міровой революціи и не къ пораженію имперіализма, а къ торжеству союзно-германскаго имперіализма за счетъ интересовъ трудового народа Россіи, иначе—прямымъ путемъ къ раздѣлу Россіи между союзниками и австро-германцами.

Что онъ утопиченъ—это едва ли надо доказывать. Это сознаетъ и авторъ, предвидящій, что его рецептъ назовутъ „утопіей", „безуміемъ" „вреднѣйшимъ политическимъ парадоксомъ". Да, онъ является и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Тѣмъ болѣе, что авторъ не даетъ рѣшительно никакихъ доказательствъ его неутопичности.

Единственный его аргументъ—апелляція къ вѣрѣ въ революцію.

„Чтобы пойти этимъ путемъ, надо вѣрить въ творческую силу революціи. И только невѣрящіе могутъ отречься отъ него, какъ отъ утопіи, безумства, „парадокса"...

Но еще разъ—этотъ путь только для тѣхъ, кто вѣритъ и кто способенъ, разъ онъ вступитъ на него, идти уже не озираясь назадъ самозабвенно, смѣло, побѣдно, прямо передъ собою и—до конца!"

Все это красиво сказано. Но... неужели же С. Д. Мстиславскій настолько наивенъ, чтобы не сознавать, что все это игра въ красивыя фразы и... только? Неужели же онъ не понимаетъ, что играть судьбою ста милліоновъ людей, базируясь на одной вѣрѣ, вещь недопустимая? И вѣрѣ во что? въ кого? Въ то ли, что революціонный пылъ народа и арміи будетъ столь безграничнымъ, что они, закрывъ глаза, бросятся въ борьбу заранѣе предрѣшенную, въ борьбу, въ которой ждетъ ихъ вѣрная гибель и вѣрное пораженіе?

Или же С. Мстиславскій вѣритъ въ то, что западныя демократіи

„поднимутся на поддержку какъ наши истинные союзники, которыхъ нѣтъ у насъ сейчасъ и не могло быть, пока мы робко плелись вслѣдъ за Милюковыми и Ллойдъ-Джор-

джами и, какъ цвѣтъ демократіи, чествовали Альберовъ Тома и перебѣжчиковъ Лабріолъ. Мы апеллируемъ къ народамъ; но не въ нихъ ли истинная сила государствъ? И колебаться ли намъ въ выборѣ союза между союзомъ съ правительствами или съ демократіей запада?“

Тогда мы спросимъ его: въ чемъ же тогда дѣло? Разъ поддержка западныхъ народовъ обезпечена, чего же ради нужно возстаніе? Почему же этихъ союзниковъ нѣтъ до сихъ поръ? Почему же они не поднялись и не поднимаются сейчасъ? Почему, разъ такъ увѣренъ въ этомъ Мстиславскій, они не объявили и не объявляютъ возстанія противъ своихъ правительствъ? Быть можетъ онъ скажетъ: потому, что до сихъ поръ мы только „призывали“, а не поднимали оружія? Но противъ кого же мы будемъ поднимать его? Противъ Вильгельма непосредственно, или противъ германскихъ солдатъ? Противъ Ллойдъ Джорджа, Тома, Пуанкаре или противъ бельгійскихъ, англійскихъ и французскихъ рабочихъ, сидящихъ въ окопахъ?

Въ кого придется стрѣлять возставшимъ—въ французскій, англійскій и германскій народъ или въ ихъ коронованныхъ вождей? И что значитъ объявить возстаніе противъ союзниковъ и враговъ? Не будетъ ли оно понято, какъ война противъ этихъ народовъ, а не ихъ руководителей? Не поймутъ ли первые такой пріемъ, какъ прямой вызовъ противъ себя и не отвѣтятъ ли они на него отвѣтнымъ ударомъ? Одно изъ двухъ: если поддержка западной демократіи обезпечена, тогда не нужно возстанія. Если нужно возстаніе—значитъ этой поддержки нѣтъ. Значитъ—нужно вести войну съ самыми западными народами... А не равносильно ли это, говоря словами автора:

„бросить вызовъ всему міру... и не значитъ ли это оставшись отброшенными, безпомощными, привлечь на себя удары со всѣхъ концовъ, ото всѣхъ рубежей и до высшихъ предѣловъ довести внутреннюю нашу разруху, съ которой мы можемъ совладать или помощью чужеземной, или немедленнымъ замиреніемъ внѣшнимъ и внутреннимъ? И не значило ли бы это, дерзкимъ вызовомъ обрекая Россію на полное одиночество, воистину обречь на гибель и коня и всадника?“

Увы! Въ послѣднихъ словахъ дана горькая правда... И странно даже, какъ эту правду не видитъ самъ авторъ. Играть

словами можно и изобрѣтать утопіи не возбраняется, но... нельзя же съ серьезнымъ видомъ рекомендовать пути, безусловно гибельные...

Имперіализма на этомъ пути побѣдить не удастся, но сломать себѣ шею очень легко. Вдохновить явно уставшую отъ борьбы армію на безнадежную и безконечную борьбу этотъ рецептъ не въ состояніи, но разстроить ее окончательно —онъ несомнѣнно разстроитъ. Таковъ первый эффектъ „прямого пути“ къ... гибели.

Вполнѣ несомнѣнно для меня и второе его слѣдствіе: гибель Россіи, раздѣлъ ея междусоюзнымъ и вражескимъ имперіализмомъ. Предположимъ, что мы подняли возстаніе противъ мірового имперіализма: расторгнули договоры съ союзниками и, если бы они пожелали захватовъ, объявили имъ войну. Придется продолжать дальнѣйшую войну и противъ германской коалиціи, ибо и она не отказывается отъ захватныхъ цѣлей. Что же изъ этого получится? Только одно: *въ два пріема бывшіе союзники и противники съ нами справятся, между собою заключатъ миръ и прекрасно вознаградятъ себя раздѣломъ обширной шкуры медвѣдя, именуемаго Россіей.*

Вотъ реальный итогъ „революціонныхъ“ вожделѣній С. Мстиславскаго.

Это ли не „побѣда“ революціоннаго соціализма надъ міровымъ имперіализмомъ! Это ли не „упроченіе міровыхъ завоеваній русской революціи!“ Это ли не прямой путь къ.... гибели революціи и трудового народа Россіи!

Подобные проекты не заслуживали бы никакого вниманія и разсмотрѣнія. Ихъ можно было бы принять за шутку, остроумную, обнаруживающую пылкость воображенія и утопическую логику. Но когда они предлагаются съ самымъ серьезнымъ видомъ, когда излагаются высокимъ стилемъ, какъ нѣчто подлинно-революціонное и реальное, когда во имя ихъ призываются массы къ гибельнымъ дѣйствіямъ, когда психическая атмосфера массъ чрезвычайно воспріимчива къ самымъ нелѣпымъ лозунгамъ,—тогда поневолѣ приходится останавливаться на самыхъ нелѣпыхъ проектахъ, оспаривать самыя утопическія бредни и напоминать о простѣйшихъ вещахъ, ясныхъ до очевидности, извѣстныхъ всѣмъ и каждому.

Конечно, быть можетъ и это напоминаніе безполезно. Въ революціонныя эпохи бываютъ моменты, когда люди забываютъ простѣйшія вещи, подобныя 2×2=4. И доводами разума ихъ не убѣдить. Они попрежнему будутъ твердить свое.

„Прямые пути" С. Мстиславскаго и большевиковъ— пути опасные. Приходится жалѣть, что авторы, подобные ему, не предвидятъ послѣдствій своихъ рецептовъ. Если же они предвидятъ ихъ, и тѣмъ не менѣе предполагаютъ... то какъ назвать такихъ авторовъ...

Въ итогѣ: рецепты мира большевиковъ опасны, негодны и утопичны.

Что же остается въ такомъ случаѣ? — Выходъ одинъ. Мы принимаемъ въ принципѣ путь прекращенія войны путемъ всемірной революціи; но пока ея нѣтъ, и пока у насъ нѣтъ увѣренности въ ея наступленіи,—война неизбѣжна. Она можетъ и должна быть принята нами. Она можетъ быть принята и потому, что наша война— чисто оборонительная. Германскія войска занимаютъ территоріи Россіи. Наша демократія и наше правительство отказались отъ захватовъ. Такого отказа нѣтъ ни со стороны германскаго правительства, ни со стороны германскаго рейхстага, ни даже—со стороны большинства германской соціалъ-демократіи. Забытое и столь осмѣянное право обороны не потеряло своей силы и теперь. Этого нельзя забывать, ибо иначе не оправдана была бы и сама революція, какъ активная оборона народа отъ насилія внутреннихъ угнетателей.

Когда эта революція придетъ—инымъ должно быть и рѣшеніе вопроса. Пока ея нѣтъ—оно можетъ и должно быть таковымъ.

Но неужели же нужно воевать до наступленія всемірной революціи? спросятъ насъ. Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, нельзя строить свои рѣшенія на опредѣленныхъ гаданіяхъ. Всемірная революція—иксъ, но зато совсѣмъ ясно нѣчто другое, а именно, путь немедленнаго начатія мирныхъ переговоровъ, какъ непосредственно демократіями воюющихъ странъ, такъ и правительствами послѣднихъ. Необходимо теперь же приступить къ взаимному выясненію условій мира путемъ печати, путемъ съѣздовъ, и путемъ опубликованія не туманныхъ, а вполнѣ конкретныхъ мирныхъ предложеній. Первый

шагъ къ этому—созывъ международнаго соціалистическаго конгресса *).

Совѣтъ Раб. и Солд. Депутатовъ вступилъ на этотъ путь, и намъ остается только привѣтствовать этотъ шагъ. Но ясно, что это только первый шагъ. Параллельно и рядомъ съ нимъ даны иныя задачи. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ демократіи еще не удалось вынудить отъ своихъ правительствъ отказа отъ захватовъ и насильственныхъ пріобрѣтеній, тамъ она должна давить на свои правящіе классы въ этомъ направленіи.

Когда такой отказъ будетъ полученъ — задача ликвидаціи войны будетъ значительно облегчена. Наконецъ, теперь же стоитъ передъ трудовымъ народомъ задача не только ликвидаціи войны, но и выработки такихъ формъ международныхъ отношеній, которыя избавили бы человѣчество отъ повторенія войнъ, подобныхъ современной.

Будущій миръ долженъ создать условія, гарантирующія миръ всего міра и дѣлающія невозможными будущія войны.

Разсмотримъ тѣ средства, которыя предлагаются для достиженія этой цѣли.

Въ огромномъ множествѣ проектовъ выдѣляются два основныхъ; это проекты: 1) государственнаго начала и 2) начала національнаго.

Сущность перваго сводится къ признанію стараго положенія вещей. По-прежнему остаются суверенныя государства, не создается никакого „сверхгосударства", всѣ нововведенія сводятся къ простой операціи „скидки территоріи" у однихъ государствъ и „накидки" другимъ государствамъ. „У однихъ отрѣзать то-то, другимъ прирѣзать то-то",—таковъ практическій рецептъ, вытекающій изъ этого проекта. Союзники мечтаютъ отхватить у нѣмецкой коалиціи, послѣдняя—у первыхъ.

Проектъ національно-этническаго начала идетъ дальше. Онъ защищаетъ государственную перекройку карты Европы по національному принципу, согласно формулѣ: каждая національность образуетъ государство. Въ силу этого, національности, въ родѣ Польши, до сихъ поръ входившія въ составъ

---

*) Послѣ долгихъ „хроманій на оба колѣна" и совѣты и партіи, кромѣ большевиковъ, вступили на этотъ путь. Утѣшимся по этому поводу поговоркой: „лучше поздно, чѣмъ никогда".

нѣсколькихъ государствъ, должны образовать свое государство, а разнонаціональныя государства, въ родѣ Австріи—разложиться.

Таковы два основныхъ пути, предлагаемыхъ для принудительнаго водворенія мира на землѣ. Всѣ остальные проекты представляютъ простую комбинацію этихъ двухъ началъ.

Спросимъ себя: гарантируютъ ли они дѣйствительно миръ всего міра? Можемъ ли мы поэтому поддерживать ихъ?

Отвѣтъ долженъ быть вполнѣ отрицательный и вотъ почему.

Проектъ государственнаго начала уже потому не гарантируетъ мира, что ничего не измѣняетъ въ существовавшей до сихъ поръ системѣ международныхъ отношеній. Эта же послѣдняя, за свое многовѣковое бытіе, не сумѣла избавить человѣчество отъ войнъ: онѣ были и есть. Ни откуда не слѣдуетъ, что эта ветхая система способна будетъ въ будущемъ искоренить войны. Разговоры о томъ, что побѣдившая сторона, отхвативъ себѣ жирные куски у побѣжденной и разгромивъ ее, сумѣетъ охранить миръ, остаются разговорами, гарантій же не даютъ никакихъ. За послѣдніе вѣка достаточно разнообразно дипломаты переставляли государственныя шашки, а мира нѣтъ какъ нѣтъ. Единственной гарантіей остается „добрая воля“ побѣдителей-государствъ, но прочность такой гарантіи извѣстна каждому. Историческихъ опы, товъ съ „доброй волей“ мы знаемъ достаточно. Мало того сами члены побѣдившей коалиціи могутъ разссориться очень скоро, даже при дѣлежѣ добычи. Съ другой стороны, побѣда сдѣлаетъ побѣдителей надменно-властными, побѣжденныхъ же—оскорбленными, пылающими жаждой реванша. Все это условія, весьма мало способныя дать вѣчный миръ. Короче—проектъ государственнаго начала къ цѣли вѣчнаго мира не приводитъ.

То же можно сказать и о проектѣ національнаго начала. Онъ, во-первыхъ, неосуществимъ: въ мѣстахъ, гдѣ живетъ этнически смѣшанное населеніе, послѣдовательное проведеніе его немыслимо. Во-вторыхъ, неизвѣстно, по какому признаку нужно опредѣлять національность. Если по языку, то тогда, послѣдовательно поступая, Бельгію пришлось бы разбить на государства валлонское и фламандское, Россію—

на государства: польское, грузинское, финское, мордовское, украинское, зырянское и т. д., Англію и Сѣверо-Амер. Соедин. Штаты пришлось бы объединить въ одно государство и т. п. Вещи явно и очевидно немыслимыя. Другихъ точныхъ признаковъ національности намъ не указываютъ. Въ итогѣ у насъ нѣтъ даже критерія національности.

Сверхъ всего, оба проекта реакціонны. Вмѣсто того, чтобы объединить человѣчество въ болѣе широкіе, чѣмъ теперь, замиренные союзы, они снова распыляютъ его и способствуютъ культивированію государственнаго и національнаго эгоизма. Не надо бояться словъ. Возможная гипертрофія того и другого начала—фактъ. Развѣ не видимъ мы ея въ германскомъ „Deutschland, Deutschland über alles?“ Развѣ мечты о „великой Россіи“ не заставляли П. Б. Струве добиваться ограниченія автономіи Украйны, не говоря уже объ „инородцахъ?“ Развѣ не продуктъ того же культивированія государственно-національнаго эгоизма—вся старая политика нашего правительства по отношенію къ Финляндіи, евреямъ и др. инородцамъ, политика Германіи по адресу поляковъ, политика Австріи по отношенію ряда народовъ, входящихъ въ ея составъ?

Нѣтъ! Демократіи нечего дѣлать съ этими проектами. Предоставимъ ихъ дипломатамъ. Наша задача—исканіе иныхъ путей, ведущихъ въ царство мира всего міра.

Въ чемъ же искать этотъ выходъ? Путь одинъ: спасеніе —только въ федераціи государствъ, въ созданіи сверхгосударства сначала въ Европѣ, а потомъ и единаго мірового государства. Внѣ этого—нѣтъ исхода: „или... или“; или такая федерація будетъ создана,—тогда гарантіи мира будутъ даны, или ея не будетъ—тогда война не исчезнетъ. Отсюда выводъ: трудовыя массы, заинтересованныя въ уничтоженіи войны на будущее время, должны всѣми силами стремиться къ осуществленію идеала федераціи въ жизни...

„Утопія!“ —скажутъ на это почтенные скептики.

—„Вполнѣ осуществимая!“, отвѣтимъ мы на это: было бы желаніе. Развѣ не утопистомъ назвали бы того человѣка, который совсѣмъ еще недавно объявилъ бы, что въ Россіи будетъ республика? И, однако, фактически она дана. Развѣ не утопіей называлъ Монтескье союзъ государствъ съ различными формами правленія въ одну имперію? И, однако,

жизнь осуществила эту утопію въ видѣ той же германской имперіи. Для осуществленія проекта федераціи нужно произвести то же, что продѣлала Германія въ 1870 г., только въ болѣе широкомъ масштабѣ. Международное общеніе, съ каждымъ днемъ дѣлающееся все болѣе и болѣе интенсивнымъ, даетъ достаточно благопріятныя условія для реализаціи этой цѣли. Въ качествѣ ближайшихъ, конкретныхъ шаговъ, въ этомъ направленіи, являются: 1) установленіе нормъ международнаго права, абсолютно запрещающихъ рѣшеніе конфликтовъ войною и дѣлающихъ обязательнымъ для государствъ обращеніе къ международному суду; 2) созданіе этого суда, или, шире, надгосударственнаго органа, съ опредѣленной компетенціей дѣлъ, ему отведенныхъ, 3) организація силы за рѣшеніями. этого суда, силы, способной принудительно подчинять непокорныя государства приговорамъ этого суда. Внутри государственной жизни для этой цѣли требуются: 1) уничтоженіе постоянной арміи, что, кстати говоря, дастъ громадную экономію средствъ, столь нужныхъ для залечиванія ранъ, нанесенныхъ войной; 2) передача вопросовъ международной политики изъ рукъ дипломатіи въ руки демократическаго народнаго представительства, и т. п.

Всѣ послѣднія мѣры осуществимы вполнѣ и теперь. Если же онѣ будутъ реализованы, отъ нихъ не такъ далеко уже и до настоящей федераціи государствъ *).

Какъ бы тамъ ни было, но для насъ ясно одно: только въ федераціи—спасеніе отъ войны.

Всѣ остальные проекты нисколько не приближаютъ насъ къ миру всего міра.

Поэтому, линія поведенія демократіи ясна: желая вѣчнаго мира, она должна добиваться осуществленія даннаго, а не иныхъ проектовъ.

Бываютъ эпохи, когда сама жизнь требуетъ дерзанія отъ тѣхъ, кто управляетъ судьбами народовъ.

Такого дерзанія, пока что, мы не видимъ у „пастырей" воюющихъ государствъ Европы. Въ ихъ дипломатическихъ увертюрахъ, пока что, звучитъ чаще всѣхъ одна нота, нота „скидокъ" и „накидокъ".

---

*) См. подробнѣе объ этомъ мою брошюру: „Вѣчный миръ и всемірное единеніе народовъ". Изд. „Револ. Мысли".

Предоставимъ имъ заниматься этимъ. Трудовой же народъ долженъ пойти другой дорогой, той, которая ведетъ къ федераціи государствъ, и не только пойти, но и дойти до этого маяка, приводящаго человѣчество къ тому состоянію когда

„Какой-то новый міръ изъ мрака и изъ крови
И счастье выростетъ, какъ на поляхъ цвѣты,
И станетъ сущностью и жизни и мечты...
Все будетъ радостью! Все будетъ вновѣ!"

Тутъ дано только вышеуказанное: „или... или". Сама жизнь властно ставитъ эту дилемму передъ человѣчествомъ. диктуя ему:

„Твори, обновляй!
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай!
Ты искра въ сіяніи новой зари!"

Все это великія и трудныя задачи. Но онѣ стоятъ на очереди и требуютъ того или иного рѣшенія.

Въ итогѣ сказаннаго, мы отвергаемъ первый и второй путь и принимаемъ послѣдній...

Первый (путь имперіалистовъ) видитъ разрѣшеніе вопроса лишь въ борьбѣ противъ внѣшняго врага и его разгромѣ.

Второй (путь большевизма), напротивъ, всю силу демократіи бросаетъ противъ внутренняго врага—своихъ правящихъ классовъ.

Нашъ же путь иной. Онъ гласитъ: война для обороняющихся странъ неизбѣжна и должна вестись со всѣмъ напряженіемъ до тѣхъ поръ, пока не заключено организованное, а не анархически-явочное мирное соглашеніе, или пока она не переходитъ изъ оборонительной въ завоевательную. Для того же, чтобы такое соглашеніе наступило скорѣе, демократія каждой страны обязана вынудить отъ своихъ правительствъ отказъ отъ захватныхъ цѣлей войны, и въ то же время сама вступить въ международное общеніе съ демократіями другихъ странъ. Иными словами, емократія обороняющейся страны должна бороться на три фронта: противъ внѣшняго врага,

противъ своего правительства, поскольку оно не отказалось отъ захватной политики, и въ направленіи установленія и укрѣпленія международнаго общенія народовъ.

Первыя формулы просты, но утопичны.

Послѣдняя—сложнѣе, но только она осуществима.

Для русской демократіи, сумѣвшей добиться отказа правительства отъ захватовъ, въ данный моментъ даны только двѣ задачи: установленіе международнаго единенія трудовыхъ массъ въ цѣляхъ скорѣйшаго возстановленія мира и активная, напряженная защита страны до установленія справедливаго, гарантирующаго завоеванія революціи и дѣлающаго невозможными новыя войны мира. Обѣ задачи одинаково неотложны и одинаково важны.

Теперь, увы! съ большимъ опозданіемъ демократы Россіи поняли это. Нужна была бойня 3—5 іюля, нужны были катастрофы на фронтѣ, нужно было приближеніе страны и революціи къ гибели, чтобы она поняла то, что такъ просто, такъ понятно, такъ неизбѣжно вытекаетъ изъ самаго существа революціи и соціализма. Такое опозданіе и такая нерячесть не дѣлаетъ особенно большой чести ея прозорливости. Но утѣшимся снова поговоркой: „Лучше поздно, чемъ никогда“, и пожелаемъ нашей демократіи большей выдержки и большей правильности ея линіи поведенія.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко., Птгр., Екатерингофск. пр. № 87.

Цѣна 50 коп.

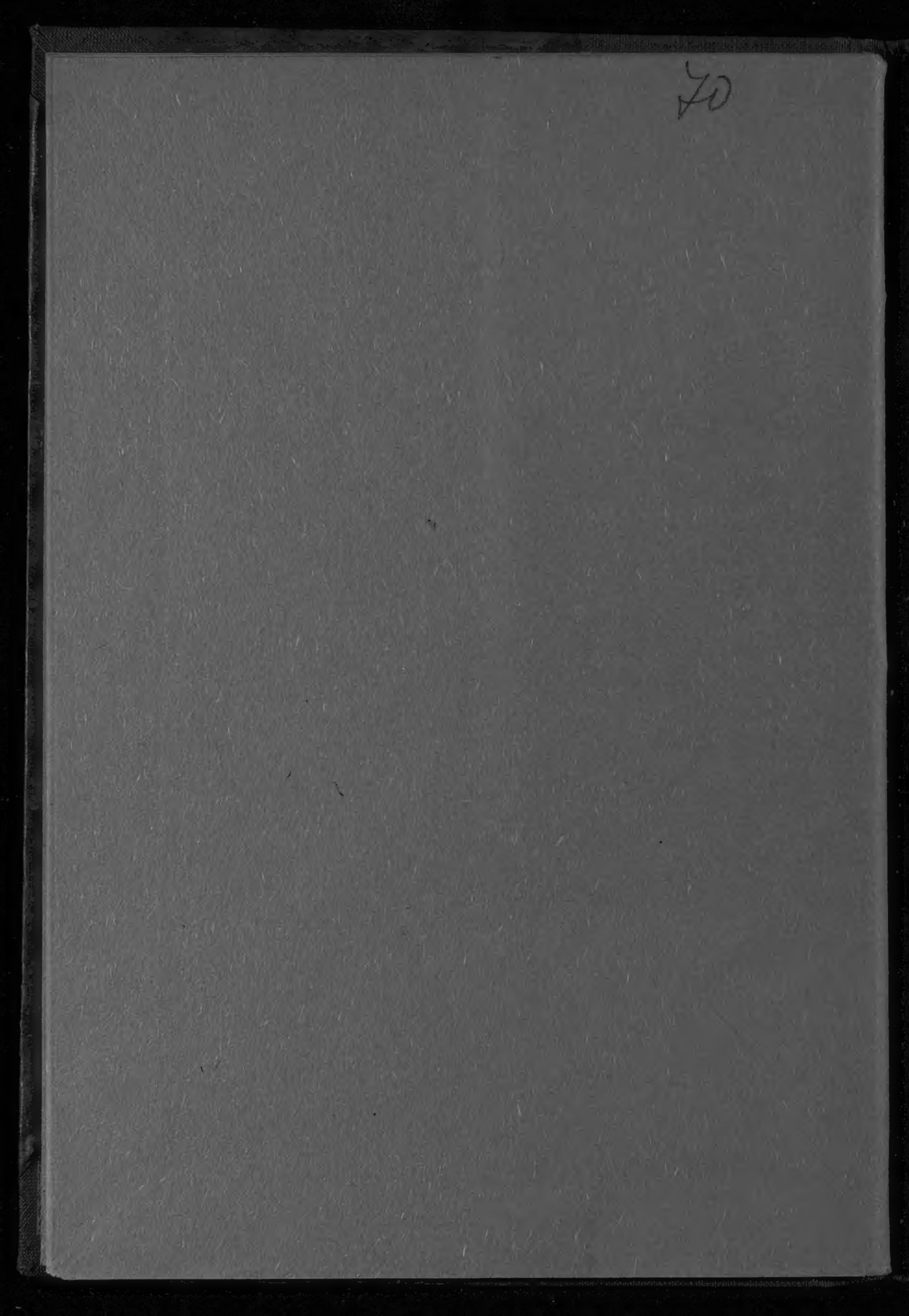
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ"

ПЕТРОГРАДЪ
Гостиный дв., 19.

МОСКВА
Моховая, 24.

70

